

УДК 81'42:821.161.1-3-053.5.09(045)

*О.В. Марьина, А.А. Саганаева***РЕАЛИЗАЦИЯ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ, СОЗДАНЫХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ЖАНРОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

В статье обращено внимание на функции несобственно-прямой речи в прозаических художественных произведениях, созданных для детей и подростков, в зависимости от жанровой принадлежности текстов. Отмечено разнообразие функций несобственно-прямой речи в повести, сказочной повести. Вторым, помимо повествователя, говорящим субъектом выступают как герои-взрослые, так и герои-дети / подростки. Определено, что несобственно-прямая речь в тексте повести представляет собой развернутое повествование, сообщающее о мыслях, переживаниях и состояниях героев, об их реакции на какое-то событие. Кроме того, несобственно-прямая речь является средством создания комического эффекта в тексте. Адресантом речи выступает как один субъект, так и группа лиц; в ряде случаев установить, кому принадлежит речевая партия – не представляется возможным. Определено, что в текстах рассказов и сказок благодаря несобственно-прямой речи сообщается о физическом или эмоциональном состоянии героев. Адресантом чужой речи в рассказах выступает один из героев.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, функции несобственно-прямой речи, жанровая обусловленность, детская проза.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-962-967

Интерес к изучению несобственно-прямой речи (далее – НПР) как многоаспектного явления не прекращается на протяжении последних семидесяти лет и находит отражение в трудах отечественных исследователей (Е.Е. Беличенко, Г.И. Блинова, А.В. Бровиной, Л.С. Гагариной, И.И. Ковтуновой, М.К. Милых, О.В. Омелькиной, Л.А. Соколовой, И.В. Труфановой, Г.М. Чумакова и др.). Одним из первых на особую синтаксическую организацию НПР указывал В.В. Виноградов, считающий, что НПР – это такой способ изложения речи, при котором персонаж начинает говорить авторской речью, однако определенного синтаксического или пунктуационного её выделения не наблюдается [3, с. 33]. Лингвисты обращают внимание на соотношение НПР и внутренней речи (Н.П. Авдеева, О.А. Блинова, С.В. Коростова, О.П. Пучинина, Р.М. Салимова, Ю.В. Шаропова и др.). Е.Я. Кусько предлагает рассматривать следующие варианты НПР: внутренние рефлексии, внутренний монолог, поток сознания [12, с. 62-88]. К названным В.А. Кухаренко добавляет ещё два вида: внутреннюю реакцию и аутодиалог [13, с. 82]. Особый интерес исследователей вызывает изучение НПР в текстах, относящихся к разным функциональным стилям и жанрам (Д.И. Арзуманян, Л.П. Боженко, И.В. Котельникова, А.В. Кулешова, В.В. Сысоева и др.). Рассматривая НПР в художественных текстах, исследователи отмечают, что она представляет собой взаимодействие речи автора и речи героев, диалектически сочетающих в себе авторское субъективное и реально-объективное начало, т.е. то, из чего читатели «делают достаточно разумные умозаключения» [11, с. 75]. Отдельным предметом изучения является установление функций НПР в текстах (Н.А. Загрядская, Н.Н. Машеро, В.П. Чередниченко, Ц. Чэнь и др.). Так, Н.А. Загрядская, исследуя функции НПР на материале англоязычной литературы, отмечает, что ведущей является функция «репрезентации эмоционального состояния персонажей» [8, 2019, с. 406]. По мнению Н.Н. Машеро, НПР является выразителем процесса вторичной коммуникации (пересказывательности) в русском художественном повествовании [15, с. 85].

Обращение к рассмотрению несобственно-прямой речи, представленной в художественных текстах, созданных для детей и подростков, вызвано несколькими причинами, основная из которых заключается в выборе материала: анализ имеющейся теоретической литературы показывает, что изучение НПР не велось на материале текстов для детей и подростков. Помимо этого, выбранный аспект изучения дает возможность определить особенности / разнообразие в реализации НПР.

Рассмотрим функции НПР в художественных произведениях, созданных для детей и подростков, в зависимости от их жанровой принадлежности.

В тексте повести «Чучело» В. Железникова выявляется несколько вариантов взаимодействия речи героя и речи автора. Повествование от 3-го лица и повествование от 1-го лица соединяются в том случае, когда необходимо сообщить о мыслях героя: *Страх и ужас до крайней степени овладели*

Николаем Николаевичем – подумать только, картины исчезли! Или Но ведь есть такие, у которых бьется, бьется и пробивается пытливая мысль, и это будет всегда! [7].

НПР позволяет передать реакцию на какое-то событие не только взрослых героев, но и героев-подростков. Так, появление Лены Усольцевой на Дне рождения Димки Сомова было настолько неожиданным, и выглядела героиня настолько необычно (*Раньше лицо у нее было добрым, милым, отчаянным, жалким, а теперь оно было вдохновенно решительным*), что передать резкую смену настроения от всеобщего веселья к состоянию «окаменели» позволяет НПР: *В комнату ворвалась Ленка. Но какая!.. Неузнаваемая!..* [7]. На сближение авторской речи и речи героя, помимо восклицательных предложений, указывают вопросительные предложения: *Мы стали обсуждать, кого мне позвать на свой день рождения, ведь начались каникулы и многие ребята уже разъехались. И потом, мы не знали многих телефонов и адресов. Кого же позвать?* [5]. Вопросительное предложение – сигнал НПР, благодаря которому сообщается о неясности положения, в котором оказались персонажи.

НПР передает переживания героя / героев относительно сложившейся ситуации: *Тот, кто никогда не возился с заболевшим джином, не может представить, какое это утомительное и хлопотливое дело.*

Во-первых, возникает вопрос: где его держать? В больницу его не положишь, и дома на виду его тоже держать нельзя.

Во-вторых, как его лечить? Медицина рассчитана на лечение людей. При лечении джинов медицина бессильна.

В-третьих, заразны ли для людей болезни джинов? [14].

НПР позволяет передать мысль второго героя, о котором в данный момент думает первый герой: *Дети в этой семье были такими бесшумными, что папа не сомневался: бдительной соседке они понравятся. Хотя, возможно, теперь она решит, что дети квартирантов сидят тихо, потому что во рту у них клеп или родители привязывают их к стульям* [6].

НПР заключает в себе отношение к тому / оценку того, о чем читатель узнает из речи повествователя: *Он лежал в постели, выпростав бороду из-под одеяла, и на всякий случай притворялся, что спит. А сам слушал. Тишина!* [19]. Так оценивает обстановку герой – Писарь Чумичка, испытывая при этом чувство удовлетворения.

Разнообразие взаимодействия нескольких речевых слоев обусловлено тем, что в тексте повести представлено более одной сюжетной линии (нередко данный жанр называется «коротким романом»), больше героев в сравнении с текстами других жанров, персонажи имеют сложившееся мнение о других героях, ситуации в целом и в скрытой форме (посредством включения в авторскую речь) могут высказывать мнение о том, что их «волнует». В повести Д. Емца «Бунт пупсиков» НПР является стилизованной чертой: благодаря данному типу чужой речи – соединению авторского повествования и повествования от лица героя создается комический эффект: *Папа ощутил подвох и проснулся. Оказалось, что мама пытается сплести из виноградной лозы кресло-качалку, используя деревянные основания старого кресла, которое нашла в подвале. Рита же ходит с папиным телефоном, звонит по нему кому попало и кричит «Алло! Это я! Алло! Это я!». И слышно, как в трубке отзываются недовольные голоса разбуженных людей* [6]. Благодаря использованию НПР создается комический эффект и в тексте повести Ю. Ковалева «Куролесов и Матроскин подключаются»: *И тут мы, конечно, должны отметить, что Васина душа была не права. Ну чего такого плохого работать в милиции? Ходи себе да арестовывай, кого надо. Никакого особого напряжения, не дрова колоть. Или трактористом – сидишь да пашешь! Красота! Неправа была душа, потрепанная выстрелом, вовсе не права* [9].

Помимо этого, в тексте повести так же, как в тексте романа, могут быть «лирические отступления» автора – это размышления субъекта речи о факте, положении вещей, о которых сообщается в конкретный момент. Например, в фантастической повести Е. Велистова «Приключения электроника» при первом знакомстве читателя с героем, описывая его внешность, место, где он живет, автор использует сигналы НПР, которые переводят повествование с отстраненного в доверительное: *Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города – Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно* [2]. В этом же фрагменте текста до того именованный Сергеем Сыроежкиным герой становится Сережкой. С этого момента речь повествователя сменяется речью героя – Сережки: *Целый день скачи, играй, прячься – и не*

надоест. А если и надоест – иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало – на это указывает изменение видовременных форм глагола, наклонения глагола, парцелляция. Если в художественных текстах, созданных для взрослых, использование разговорных вариантов имен героев является стилистическим сигналом НПР, то в произведениях для детей и подростков такая форма достаточно распространена, считается «почти нормой» и обусловлена адресатом речи. В тексте Т. Крюковой «Женька Москвичев и его друзья» уже в названии повести герой именуется так, как к нему обращаются его друзья – Женька. Помимо него, героями оказываются Майка, Лёха, Шмыгунов – Шмыга, Петухов – Петух и др. [10].

Текст повести позволяет включать НПР, разную по объёму: от части предложения (*Публика оглядывалась, недоумевая: откуда же эти идут голоса?* [18] до нескольких предложений / сложного синтаксического целого (*Деда, конечно, мучили сомнения: как оставить дворец без присмотра? <...> и старик решил. Пусть внук другие музеи увидит, картины знаменитые посмотрит. Васнецова или Репина, например, как Иван Грозный убивает своего сына. Страшная картина!* [1]). Таким образом повествование становится «наполненным»: оказываются понятными сомнения, мотивы поступков героев.

В некоторых случаях использования НПР в художественных текстах возможно установить, кто является говорящим: *Ох, до чего не просто иметь внука-неслуху! Учишь его, учишь, воспитываешь, воспитываешь, на ушах стоишь, а толку чуть* [1]. В повествовании есть указание на того, кто так думает, считает, – дедушка Барабан Барабаныч. В отдельных случаях невозможно назвать какого-то конкретно субъекта речи: *Ребята, огорченные отсутствием Димки, основного вратаря, играли растерянно, вяло, и кто-то из них задел рукой мяч. Да еще где – на штрафной площадке! Вы понимаете, что грозит команде в таком случае! Ну конечно, одиннадцатиметровый! Это уже наверняка гол* [18]. Адресантом НПР может оказаться как один из игроков команды, кто-то из болельщиков, так и любой человек, интересующийся футболом, разбирающийся в игре. В этом случае НПР имеет обобщенное значение.

В рассказах – меньшей, по сравнению с повестью, жанровой форме – использование НПР как формы передачи чужой речи имеет свою специфику, обусловленную и объемом литературного произведения, и возрастными особенностями читателей. Если тексты повестей предназначены для детей среднего и старшего школьного возраста, то рассказы – преимущественно для детей дошкольного возраста или младшего школьного возраста. А читатели данных возрастных групп в большинстве своем способны получать / воспринимать фактуальную, а не подтекстовую и / или концептуальную информацию [4]. Кроме того, достаточно часто повествование в рассказах представлено от 1-го лица (например, рассказы Н. Носова из цикла «Фантазеры», А. Соломатина из цикла «Фантастические рассказы», И. Пивоваровой из цикла «Рассказы Люси Синицыной» и др.), что не позволяет вести разговор ни о несобственно-прямой речи вообще, ни о функциях НПР в частности. Несмотря на это, даже в рассказах, созданных для детей младшего школьного возраста, встречаются показатели НПР. Однако вместо развернутых отрезков текста используются сочетания, отдельные предложения. В сказке К.И. Чуковского НПР – простое предложение: *Но, к счастью, разбойник спал крепким сном. Храбрый Карудо схватил ключ и полетел что есть силы обратно в тюрьму. У, какой тяжёлый этот ключ! Карудо чуть не выронил его по дороге. Но всё же долетел до тюрьмы – и прямо в окно, к доктору Айболиту* [20] – указывает на физическое состояние героя. НПР – простое предложение выделяется и в рассказе В. Осеевой «Скучно»: *Посмотрел Ваня направо, посмотрел налево, задрал голову вверх. Скучно! Взят да и дёрнул за косичку Таню. Чужая речь позволяет понять эмоциональное состояние героя, в котором он находится в определенный момент жизни.*

Так же, как и в случае с текстами повести, в рассказах встречается НПР, передающая внутреннюю речь героев: *А Ваня о Петиных долгах и не думает, удивляется он: что это такое с товарищем случилось?* [16].

НПР в тексте сказки К. Чуковского «Доктор Айболит» может быть продолжением прямой речи героя: – *Скорее, скорее вперёд!* – кричал доктор. – *Медлить нельзя ни минуты. Ведь нас догоняют враги. Видите, они тоже бегут по обезьяньему мосту... Сейчас они будут здесь!*

Скорее!.. Скорее!..

Но что такое? Что случилось? – и передает волнение, страх героя. Такое взаимодействие прямой речи повествователя и несобственно-прямой речи позволяет определить адресанта речи. По-

мимо этого, НПР может передавать радость, восторг героев. Например: *Какое счастье! Вся улица белая! На улице снег!*

А если улица белая, значит, белая мышка может спокойно гулять перед самым носом у кошки и кошка не увидит её [20]. Благодаря синтаксическим сигналам НПР создается ощущение счастья, которое испытывает маленькая героиня от вида снега.

В малых жанровых формах не во всех случаях однозначно можно установить отнесенность того или иного примера к НПР. Так, в рассказе Г. Остера «Как лечить удава» вопросительное предложение «*Да и как бы он возражал?*» лишь условно можно считать НПР. С одной стороны, оно передает сомнение героя-удава относительно создавшегося положения: *Во рту у него была трава, и, кроме «мму», никакие возражения все равно не выговаривались*, с другой стороны, это может быть и вопрос от повествователя, который до представленной ситуации «не проявлял себя». Точно так же неоднозначно можно охарактеризовать и следующий пример: «*Мартышка совсем одна сидела под деревом и никак не могла решить, куда ей пойти. И с кем пойти*» [17]. Функция данного предложения – показать внутренние сомнения мартышки: данный факт (*с кем пойти*) для нее важен – и это передано с помощью такого стилистического приема, как парцелляция. Однако, помимо данного факта, других показателей включения чужой речи в речь повествователя нет.

Итак, в художественных произведениях, созданных для детей и подростков, выявлены функции несобственно-прямой речи, изучение которых проводилось в зависимости от жанровой принадлежности текстов. Определено, что есть ряд универсальных функций, выделяемых не зависимо от жанровой принадлежности произведения: НПР содержит информацию о мыслях героя и его состоянии. При этом была описана функция, установленная только в тексте повести, сказочной повести – создание комического эффекта. Анализ фактического материала позволил выделить примеры, «условно» содержащие НПР.

На наш взгляд, настоящее исследование может внести вклад в формирование комплексного представления о НПР: имеющийся в работе материал позволил выявить ранее не изученные функции НПР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартенев М., Усачев А.* Барабашка или обещано большое вознаграждение. М.: Самовар, 2015. 127 с.
2. *Велистов Е.* Приключения Электроника. М.: Школьная библиотека, 2018. 158 с.
3. *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1951. С. 33.
4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
5. *Гераскина Л.* В стране невыученных уроков. М.: Школьная библиотека, 2017. 135 с.
6. *Емец Д.* Бунт пупсиков. М.: Эксмо, 2015. 256 с.
7. *Железников В.* Чучело. Повести. Рассказы. Барнаул: Анна Поом и К, 1993. 289 с.
8. *Загрядская Н.А.* Функции несобственно-прямой речи в художественной литературе США начала XX века // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 405-407.
9. *Коваль Ю.* Куролесов и Матрос подключаются. М.: Школьная библиотека, 2017. 110 с.
10. *Крюкова Т.* Женька Москвичев и его друзья. М.: Школьная библиотека, 2017. 113 с.
11. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // Текст, структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72-81.
12. *Кусько Е.Я.* Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208 с.
13. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
14. *Лагин Л.* Старик Хоттабыч. М.: Школьная библиотека, 2017. 220 с.
15. *Машеро Н.Н.* Функционирование несобственно-прямой речи в литературном нарративе в качестве воссоздающего элемента звучащей речи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (169). С. 85-87.
16. *Осеева В.* Рассказы и сказки. М.: Школьная библиотека, 2013. 20 с.
17. *Остер Г.* Куда идет слоненок. М.: АСТ, Астрель. Тула: Родничок, 2007. 50 с.
18. *Сергеев М.* Волшебная калоша. М.: Эксмо, 2018. 190 с.
19. *Успенский Э.* Вниз по волшебной реке. М.: АСТ, Малыш, 2016. 128 с.
20. *Чуковский К.* Доктор Айболит. М.: АСТ, 2019. 120 с.

Марьина Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»
656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
E-mail: marina_olvik@mail.ru

Саганаева Акмарал Айболовна, магистр педагогических наук,
сениор-лектор кафедры казахской, русской филологии и журналистики,
НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова»,
070002, Казахстан, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-ой Гвардейской дивизии, 34.
E-mail: kairat_0808@mail.ru

O.V. Maryina, A.A. Saganayeva

THE IMPLEMENTATION OF INAPPROPRIATE DIRECT SPEECH IN LITERARY TEXTS CREATED FOR CHILDREN AND ADOLESCENTS: GENRE CONDITIONING AND FUNCTIONING

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-962-967

The article draws attention to the functions of inappropriate direct speech in prose works of fiction created for children and adolescents, depending on the genre of the texts. The variety of functions of improper-direct speech in the texts of the story, the fairy tale story is noted. The second, in addition to the narrator, the speaking subject is both adult heroes and child/adolescent heroes. It is determined that improper-direct speech in the text of the story is a detailed narrative that informs about the thoughts, experiences and states of the characters, about their reaction to some event. In addition, improper-direct speech acts as a means of creating a comic effect in the text. The addressee of speech is both one subject and a group of persons, in some cases it is not possible to establish who owns the speech party. It is established that in the texts of stories and fairy tales, due to improper direct speech, the physical or emotional state of the characters is reported. The addressee of someone else's speech in the stories is one of the heroes.

Keywords: improper-direct speech, functions of improper-direct speech, genre conditioning, children's prose.

REFERENCES

1. *Bartenev M., Usachev A.* Barabashka ili obeshchano bol'shoe voznagrashdenie [Barabashka or promised a big reward]. Moscow: Samovar, 2015. 127 p. (In Russian).
2. *Velistov E.* Prikl'yucheniya Elektronika [Adventures of electronics]. Moscow: School Library, 2018. 158 p. (In Russian).
3. *Vinogradov V.V.* Problemy russkoj stilistiki [Problems of Russian stylistics]. Moscow: High School, 1951. P. 33. (In Russian).
4. *Galperin I.R.* Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga, 2006. 144 p. (In Russian).
5. *Geraskina L.* V strane nevyuchennyh urokov [In the country of unlearned lessons]. Moscow: School Library, 2017. 135 p. (In Russian).
6. *Emets D.* Bunt pupsikov [The mutiny of the pupsiks]. Moscow: Eksmo, 2015. 256 p. (In Russian).
7. *Zheleznikov V.* Chuchelo. Povesti. Rasskazy [Scarecrow. Narratives. Stories]. Barnaul: Anna Poom and K, 1993. 289 p. (In Russian).
8. *Zagryadskaya N.A.* Funkcii nesobstvenno-priamoj rechi v hudozhestvennoj literature SSHA nachala XX veka [The functions of improper-direct speech in the fiction of the USA at the beginning of the XX century]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education]. 2019. No. 5 (78). P. 405-407. (In Russian).
9. *Koval Yu.* Kurolesov i Matros podklyuchayutsya [Kurolesov and the Sailor are connected]. Moscow: School Library, 2017. 110 p. (In Russian).
10. *Kryukova T.* Zhen'ka Moskvichev i ego druz'ya [Eugene Moskvichev and his friends]. Moscow: School Library, 2017. 113 p. (In Russian).
11. *Kubryakova E.S.* O tekste i kriteriyah ego opredeleniya [About the text and the criteria for its definition]. Tekst, struktura i semantika [Text, structure and semantics]. Vol.1. Moscow: 2001 P. 72-81. (In Russian).
12. *Kusko E.Ya.* Problemy yazyka sovremennoj hudozhestvennoj literatury. Nesobstvenno-pryamaya rech' v literature GDR [Problems of the language of modern fiction. Improper-direct speech in the literature of the GDR]. Lviv: Vishcha's school, 1980. 208 p. (In Ukrainian).
13. *Kukharensko V.A.* Interpretaciya teksta [Interpretation of the text]. Moscow: Enlightenment, 1988. 192 p. (In Russian).
14. *Lagin L.* Starik Hottabych [Old man hottabych]. Moscow: School Library, 2017. 220 p. (In Russian).

15. *Mashero N.N.* Funkcionirovanie nesobstvenno-priamoj rechi v literaturnom narrative v kachestve vossozdayushchego elementa zvuchashchej rechi [The functioning of non-direct speech in the literary narrative as a recreating element of sounding speech]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij* [News of higher educational institutions]. Severo-Kavkazskij region [The North Caucasus region]. *Obshchestvennye nauki* [Social sciences]. 2012. No. 3 (169). P. 85-87. (In Russian).
16. *Oseeva V.* Rasskazy i skazki [Stories and fairy tales]. Moscow: School Library, 2013. 120 p. (In Russian).
17. *Auxerre G.* Kuda idet slonenok [Where the elephant goes]. Moscow: AST, Astrel, Tula: Fontanelle, 2007. 50 p. (In Russian).
18. *Sergeev M.* Volshebnyaya kalosha [Magic galosha]. Moscow: Exmo, 2018. 190 p. (In Russian).
19. *Uspensky E.* Vniz po volshebnoj reke [Down the magic river]. Moscow: AST, Baby, 2016. 128 p. (In Russian).
20. *Chukovsky K.* Doktor Ajbolit [Dr. Aibolit]. Moscow: AST, 2019. 120 p. (In Russian).

Received 22.06.2022

Maryina O.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics
Altai State Pedagogical University
Molodezhnaya st., 55, Barnaul, Russia, 656031
E-mail: marina_olvik@mail.ru

Saganayeva A.A., Master of Pedagogical Sciences, Senior lecturer
at Department of Kazakh, Russian Philology and Journalism
Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University
30-i Gvardeiskoy Divisii st., 34, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, 070002
E-mail: kairat_0808@mail.ru